

11 ИЮНЬ 1976

КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА
г. МОСКВА

КУРЬЕР 9 МУЗ

ВСТРЕЧА ДЛЯ ВАС

Алла Пугачева

Большинство советских зрителей узнало это имя осенью 1974 года, после Пятого Всесоюзного конкурса молодых артистов эстрады. На нем Алла Пугачева получила третью премию. Меньше чем через год ей был вручен «Гран-при» международного песенного фестиваля «Золотой Орфей». А для нее заключительный концерт фестиваля, овации, поздравления, комплименты, цветы — все это было лишь одним днем из тех десяти лет, что провела она на эстраде.

— В чем причина столь долгого пути к большой эстраде?

— Все эти годы я выходила на концертные площадки, пела. Исполняла как известные, так и неизвестные песни. Но среди них не было близких мне по духу. Поэтому и от конкурсов я тогда отказывалась — ждала, что появятся такие и для меня песни. Но время шло. Дальнейшее ожидание ничего хорошего не сулило, — наверное, я бы просто ушла. Наконец решилась выступить на Всесоюзном конкурсе...

— Значит, тогда-то и было начало?

— Нет, не тогда, хотя конкурс и стал поворотным пунктом. А началом своей творческой биографии я считаю песню «Арлекино».

В Болгарию я везла три работы, и хотя бы одна из них должна была стать «моей» песней. Решила взять некогда популярную песню Эмила Димитрова. Делала все заново: сама написала сюжет, отдала молодому поэту Борису Баркасу, вместе с композитором Павлом Слободкиным мы аранжировали мелодию. Потом я долго выбирала пластику, интонации, придумывала одежду... Эмил Димитров сей-

час исполняет этого, нового «Арлекино».

— А как принял ее зритель на фестивале?

— Как принял?.. Именно его реакция и принесла мне и самые радостные, и самые, что ли, серьезные минуты. Я увидела вдруг, что нет больше языкового барьера. Я смеялась, и зал смеялся вместе со мной. Когда в какой-то момент у меня на глазах появились слезы — то же произошло со зрителями. Пересказать, что я чувствовала, наверное, невозможно. Было все, о чем может мечтать артист... А ночью в гостиничном номере звонил телефон, стоял густой запах цветов. Я же сидела с ощущением, будто меня провожали на пенсию... Вот тогда-то и возник передо мной этот очень серьезный вопрос: что же это — начало или же яркий, но финал?

— И какой Вы дали ответ?

— Понадобилось время, чтобы ответить... Сейчас я могу сказать: «Да, это было начало!» Однако за это «да» нужно было бороться.

Появились новые песни, которые мне хотелось исполнять, а вместо этого, как из цилиндра фокусника, посыпались предложения делать «Пьеро», «Коломбину» и так далее, иначе говоря, многосерийную эстрадную арлекинаду. Пришлось объяснять,

что «Арлекино» — один и никакого продолжения не требует, что создавать нужно новые, хорошие песни.

— В таком случае поясните, что Вы называете «хорошей песней».

— Хорошая песня! Разговор о ней следует начинать с того, кто ее в конечном итоге оценивает. Десять лет я приглядывалась к людям, которые сидят в зале, и на глазах другими становились и они, и их отношения с артистом. Я помню зрителя, который приходил на концерт, как в гости. Он шел в «наш» дом, и для него это был настоящий праздник, настроение и требования — особыми. Он с большой охотой принимал песни и мелодии зажигательные, ритмичные. Артист для него был радушным хозяином. А сейчас зритель другой! Сейчас не он к нам — мы к нему приходим в гости! Его и песни интересуют другие. Зритель стал искушеннее, он более требователен и чуток. И чтобы эту чуткость не потерять, ее нужно воспитывать. Песни, которые помогают это делать, и есть хорошие. Они должны не только отвечать вкусам, но и развивать их.

— Отчего же тогда бывает, что артист предлагает зрителю недоброкачественную продукцию?

— Действительно, «серых» песен более чем достаточно. Сколько уже лет это «боль-

шой» вопрос. Существует печка: авторы песни — исполнитель — художественные советы — зритель. Эти звенья связаны непростыми отношениями, однако не настолько сложными, чтобы создавать лабиринт, из которого нет выхода. В нескольких словах трудно сказать обо всем, но о главном можно и нужно. Есть авторы, которые как бы вбирают зрительскую незыскательность, потрафляют ей. Они работают по принципу: «Спрос определяет предложение», и на любые претензии у них один ответ: аудитория

принимает. И это несмотря на их музыкальную образованность, на вкус художественный... Мне, например, часто звонят авторы, что называется, «маститые» и предлагают исполнить их новую песню. Посмотришь иной раз — даже неудобно становится, настолько это убого... Но исполнителя они все-таки находят!

— Разве певец не может отказать от плохой песни, выбрать ту, которая ему нравится?

— На деле, к сожалению, чаще происходит иначе. Далеко не всегда артист настолько популярен, чтобы позволить себе такую роскошь — выбирать. Или иметь «своих» постоянных авторов. Но в любом случае каждый исполнитель просто обязан быть требовательным к тому, что берет в свой репертуар!

— Выходит, были плохие песни, есть и будут?..

— Ну, зачем так пессимистично! Разве мало на нашей эстраде хороших песен? Но чтобы их было больше, чтобы слова о качестве не оставались только словами, нужно предпринимать конкретные шаги. Я уже называла художественные советы, своеобразные ОТК нашего эстрадного цеха. Именно они в первую очередь не должны пропускать «серой» продукции!

Я очень хочу, чтобы отношение к эстраде изменилось! Оценивать нашу работу, исходя лишь из сегодняшних требований, — значит топтаться на месте, подвергать и себя, и других соблазнам «спокойной» жизни, где понятие «творчество» заменяется на неблагозвучное «калтура».

Для артиста непокой — это поиск, эксперимент. Пусть же поиск чаще ведет к удаче!

Беседу вел

Б. НОВАКОВСКИЙ.